

ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ДОСТОИНСТВА: ОБ УПАДКЕ СВОБОДЫ ВОЛИ В ПРАВЕ

О. МЕЛКЕВИК,

доктор PhD, постдокторант Центра этики им. Эдмонда Сафры при Гарвардском университете, научный сотрудник Исследовательского центра этики Университета Монреаля (Монреаль, Канада), email: asbjorn.melkevskiy@queensu.ca

Б. МЕЛКЕВИК,

доктор права, профессор факультета права Университета Лавала (Квебек, Канада), email: bjarne.melkevskiy@fd.laval.ca (автор-корреспондент)

Статья и аннотация на английском языке – О. Мелкевик, Б. Мелкевик; перевод с английского на русский язык – С.В. Саяпин, Dr. iur., PhD, ассоциированный профессор, ассоциированный декан Школы права Университета КИМЭП (Алматы, Казахстан), email: s.sayapin@kimep.kz

Актуальность настоящего исследования заключается в наблюдаемых нами радикальных переменах в современном правовом понимании достоинства. То, что человека следует уважать в силу его существования, является краеугольным камнем нашего современного общества, закрепленным в наших законах и конституциях. Однако идея достоинства может трактоваться принципиально по-разному. В связи с этим *предметом данного исследования* выступают две такие теории достоинства, а именно «теория достоинства, обусловленная свободой воли», связанная с Иммануилом Кантом, и «теория достоинства, обусловленная благополучием», которую недавно отстаивал Алан Гевирт. *Целью работы* является изучение вышеназванных концепций достоинства для переосмысления роли последнего в праве. В рамках исследования были использованы такие *методы научного познания*, как анализ, синтез, а также сравнительный метод. По результатам исследования мы пришли к *выводу* о том, что современный переход от теории достоинства Канта к теории достоинства Гевирта проблематичен, во-первых, потому что он является

выражением упадка свободы воли в наших правовых системах, а, во-вторых, потому что теория достоинства, обусловленная благополучием, часто обрекает на поражение саму себя. Соответственно, в статье утверждается, что мы должны вернуться к теории достоинства, обусловленной свободой воли. Используя антиномистическое толкование теории Канта, мы утверждаем, что рациональные люди должны быть сами себе законодателями, и что, следовательно, объем законодательной деятельности должен быть ограничен соображениями достоинства.

Ключевые слова: достоинство; философия права; право; Иммануил Кант; Алан Гевирт; свобода воли; автономия воли; антиномизм; права человека; принцип права.

1. Как назначить цену на жизнь людей и заключить выгодную сделку

В своей книге «Что нельзя купить за деньги» (*What Money Can't Buy*) Майкл Сэндел привел ряд убедительных примеров, показывающих, как сегодня почти все выставлено на продажу. При желании теперь можно купить право на иммиграцию в Соединенные Штаты за 500 000 долларов, услуги индийской суррогатной матери для вынашивания беременности за 6250 долларов или доступ к автостоянке при вождении в одиночку за 8 долларов. Можно не только купить практически все, но и заработать деньги довольно необычными способами. Можно, например, работать «подопытным кроликом» при испытании лекарств на безопасность за 7500 долларов, работать на компании на Капитолийском холме с фиксированной зарплатой от 15 до 25 долларов в час, поскольку некоторые лоббисты не хотят стоять в очереди, или скупать страховки жизни незнакомых людей и потенциально заработать состояние, если при ставке на чужое несчастье вам улыбнется удача.¹ Такая обстановка придает совершенно новый смысл тому, что однажды сказал римский диктатор Аппий Клавдий Цек: «*faber est suae quisque fortunae*», то есть «каждый человек является господином своей удачи».² На самом деле, можно быть господином своей удачи, сдавая в аренду место на лбу для показа коммерческой рекламы или показывая себя в «реалити-шоу» на телевидении. Это, конечно, не то, что любой римский меритократ мог бы вообразить как подходящий способ накопления богатства. Можно подумать, что такие явления проблематичны, особенно если мы оцениваем не только некоторые необычные действия, но и человеческие жизни. Можно возразить, что так мы зашли бы слишком далеко. Это противоречило бы нашему пониманию человеческого достоинства с точки зрения Канта.

Иммануил Кант действительно сказал нам, что «у всего есть цена или достоинство. Все, что имеет цену, может быть заменено чем-то другим в качестве его эквивалента; с другой стороны, все, что стоит выше любой цены и, следовательно, не допускает эквивалента, имеет достоинство».³ То, что человека следует уважать ради самого себя, является краеугольным камнем наших современных обществ, закрепленным в наших законах и конституциях. Такое понятие достоинства можно найти, например, во Всеобщей декларации прав человека. Хотя мы можем различать разные интерпретации человеческого достоинства, основная идея Канта состоит в

¹Michael Sandel. *What Money Can't Buy*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 2012. Pp. 3-5.

²Sallust, *Ad Caesarem Senem de Re Publica Oratio (Speech to Caesar on the State)*, I.i.2.

³Immanuel Kant. *Grounding for the Metaphysic of Morals*, 1785, translated by James W. Elligton. Indianapolis, Hackett Publishing Company, 1993. P. 40.

том, что люди обладают некоторыми существенными «бесценными» качествами, например свободой, которые связаны с обязанностями, наиболее важным из которых является долг перед самим собой.⁴ Таким образом, понятие достоинства было, по крайней мере, традиционно, продолжением идеи эпохи Просвещения о том, что люди являются носителями естественных, неотъемлемых прав. Однако этот вывод, как мы могли подумать, противоречит тому, как люди действуют в наших рыночных обществах сегодня. Как отметили Майкл Дженсен и Уильям Меклинг, «у всех нас есть своя цена», то есть: «Нравится вам это или нет, но люди готовы пожертвовать небольшим количеством почти всего, что мы можем назвать, даже репутацией или моралью, ради достаточно большого количества других желаемых вещей; и эти вещи не обязательно должны быть деньгами или даже материальными благами».⁵ Таким образом, мы сталкиваемся с парадоксом: кантовская концепция человеческого достоинства, закрепленная в наших конституциях, кажется, находится под угрозой со стороны нашего современного образа жизни. Можно подумать, что в рыночных обществах люди платят цену за то, что в противном случае было бы бесценным, например, за свободу воли или за моральную, физическую или психологическую целостность.

В этой статье исследуется данный парадокс, и показывается, почему он не так проблематичен, как можно подумать. Мы утверждаем, что настоящая проблема заключается в другом. Нам, скорее, следует задуматься о том, как предполагаемое поощрение достоинства в праве привело к определенному упадку свободы воли. Чтобы быть точнее, в статье будут рассмотрены две теории достоинства из четырех таких теорий, а именно «теория достоинства, обусловленная свободой воли», историю которой можно проследить вплоть до Канта, и «теория достоинства, обусловленная благосостоянием», появившаяся совсем недавно и отстаиваемая Аланом Гевиртом. Мы утверждаем, что современный переход от первого ко второму проблематичен, во-первых, потому что он является выражением упадка свободы воли в наших правовых системах, а, во-вторых, потому что теория достоинства, обусловленная благополучием, часто обрекает на поражение саму себя, причиняет вред благополучию наиболее обездоленных и снижает общее благосостояние в обществе. Пытаясь примирить рыночные общества с человеческим достоинством, мы создали проблему, которой раньше не существовало. Иными словами, мы урезали теоретическую сущность достоинства, которая заключалась в свободе воли, чтобы создать иллюзию достоинства как благосостояния, например, введя некоторые законы о труде, ограничивающие свободу.

Сейчас принято объединять понятия достоинства, нормативной свободы воли и прав человека.⁶ Хотя первая часть этого уравнения верна, поскольку достоинство действительно связано с свободой воли, мы должны быть особенно осторожны со второй частью, в части достоинства и прав. Для Канта права человека проистекают из достоинства, хотя, как мы увидим, такой образ мышления потенциально опасен, учитывая, что значение достоинства радикально изменилось. Соответственно, в

⁴Oliver Sensen. “Kant on Human Dignity Reconsidered”. *Kant-Studien*. Vol. 106. No. 1, 2015. P. 125.

⁵Michael Jensen and William Meckling. “The Nature of Man”. *Journal of Applied Corporate Finance*, 1994. P. 10.

⁶Hanoch Dagan and Avihay Dorfman. “Interpersonal Human Rights and Transnational Law”. *Cornell International Law Journal*, Vol. 51, 2018. P. 380.

этой статье мы приводим аргументы в пользу двух отдельных тезисов: во-первых, мы должны вернуться к теории достоинства, обусловленной свободой воли, а, во-вторых, мы должны максимально ограничить применение концепции достоинства в наших правовых системах. Иными словами, мы утверждаем, что достоинство должно быть в основном философским понятием, а не юридическим. Поскольку философы права хотят использовать такую концепцию, она должна указывать на ограничение применения публичного права в пользу частного права. К сожалению, это противоположно тому, что мы наблюдали в последние десятилетия с постоянно растущим применением публичного права. Мы начнем (§2) с рассмотрения некоторых проблемных случаев достоинства на рынках. После (§3) мы объясним различие между четырьмя теориями достоинства. Это позволит нам (§4) выступить в защиту теории достоинства, обусловленной свободой воли, в соотношении с другими теориями, а затем увидеть, как она связана с антиномизмом, благодаря которому люди являются сами себе законодателями. В конце (§5) мы утверждаем, что роль достоинства в наших законах должна быть значительно уменьшена. Достоинство не может быть принципом права.

2. Спасибо за курение: как мы оцениваем жизнь людей

Начнем с некоторых примеров из табачной промышленности. В недавнем обзоре, объединяющем данные Всемирной организации здравоохранения, Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности и Института показателей и оценки здоровья, оценивалось влияние алкоголя, табака и запрещенных наркотиков на благосостояние людей.⁷ По инициативе Всемирной организации здравоохранения благосостояние измерялось путем расчета потерь лет жизни с поправкой на инвалидность (Disability-Adjusted Life Years, DALY), где один DALY можно рассматривать как один потерянный год «здоровой жизни». Несмотря на то, что незаконные наркотики являются серьезной причиной потерь человеческих жизней, табак и алкоголь по-прежнему преобладают. В 2015 году табак стоил миру 170,9 миллиона DALY, алкоголь – 85 миллионов DALY, а запрещенные наркотики – 27,8 миллиона DALY. Методология проста: мы измеряем благосостояние с точки зрения потери здоровой жизни, не оценивая в денежном выражении какого-либо конкретного человека или ситуацию. Конечно, обычно мы поступаем иначе: принято приписывать разные денежные ценности разным людям с разными условиями или социальным происхождением. Некоторые люди стоят большего, как бы это ни было неудобно. Типичным примером может служить ценность, которую страховые компании могут придавать людям, путешествующим на машине или самолете – для последних она намного выше. В этом параграфе показано, как такие различия в оценке жизни могут быть проблематичными, поскольку мы привержены принципу достоинства в наших правовых и политических системах. Однако мы будем утверждать, что это не так проблематично, как можно было бы подумать.

Рассмотрим исследование Philip Morris CR a.s., заказанное Артуру Д. Литтлу в Чешской Республике.⁸ После его утечки в 2001 году он остается одним из самых

⁷Amy Peacock et al. “Global Statistics on Alcohol, Tobacco, and Illicit Drugs Use: 2017 Status Report”, *Addiction*, forthcoming.

⁸Arthur D. Little International, Inc., “Public Finance Balance of Smoking in the Czech Republic”, commissioned by Philip Morris CR a.s., 28 November 2000. See also, Zosia Kmietowicz, “Tobacco Company Claims That Smokers Help the Economy”. *British Medical Journal*. Volume 323. No. 7305, 2001. P. 126.

парадигматических случаев аргумента о «пособии на случай смерти». Согласно исследованию, на каждом курильщике государство экономит деньги.

Таблица 1. Баланс государственного бюджета на курение в исследовании Philip Morris

Позитивные последствия		Негативные последствия
Прямые	Косвенные	
Акцизный налог НДС	Экономия затрат на здравоохранение	Увеличение расходов на здравоохранение
Налог с доходов корпораций	Пенсионные накопления	Налог на упущенную выгоду
Таможенные сборы	Сбережения на жилье для пожилых людей	Расходы, связанные с невыходом на работу
\$522 млн.	\$31 млн.	Расходы на ликвидацию пожаров, вызванных задымлением
		\$403 млн.

Точнее, курение обходится бюджету Чешской Республики в 15,647 млн. чешских крон в год, то есть 403 млн. долларов, в то время как оно приносит 20 270 млн. чешских крон (522 млн. долларов) в виде налогов, а также дополнительные 1192 млн. чешских крон (31 млн. долларов) косвенной экономии. В конце концов, потребление сигарет приносит пользу Чешской Республике, поскольку общий баланс государственного бюджета на курение в 1999 году составил 5 815 миллионов чешских крон (150 миллионов долларов). Умереть молодым – это хорошо для бюджета. «Кампания за детей без табака» (Campaign for Tobacco-Free Kids) достаточно хорошо резюмировала аргумент этого отчета: «Аргумент «пособия на случай смерти» – т.е. правительства не должны вкладывать средства в новые усилия по сокращению курения и других видов употребления табака, поскольку дешевле позволить людям умереть от курения и другого употребления табака, чем оплачивать новые затраты, вызванные увеличением количества людей, живущих дольше, потому что они бросили или вообще не начали курить».⁹

Такой аргумент отстаивал, например, Уильям Кевин Вискузи. «Некоторые финансовые последствия курения увеличивают расходы государства; прочие страховые эффекты снижают расходы государственного бюджета. Важно то, являются ли эти чистые страховые последствия положительными или отрицательными».¹⁰ По

⁹Campaign for Tobacco-Free Kids, “Immortality and Inaccuracy of the Death Benefit Argument”, 28 October 2002.

¹⁰William Kevin Viscusi. “From Cash Crop to Cash Cow: How Tobacco Profits State Governments”. *Regulation*. Vol. 20. No. 3, 1997. P. 27.

словам Вискузи, последствия положительные, хотя мы действительно говорим о смерти людей. В Соединенных Штатах, если игнорировать акцизы, уплачиваемые курильщиками, каждая пачка сигарет приносит чистую экономию затрат в размере 0,32 доллара, а если не игнорировать налоги, то это число возрастает до 0,85 доллара. Иными словами, сигареты являются самофинансируемыми, поскольку их выгода превышает более высокие затраты на медицинское обслуживание, которые они приносят.

Как и следовало ожидать, такой аргумент столкнулся с масштабным осуждением, и многие критики поспешили разобрать отчет по экономическим, политическим и этическим основаниям. С экономической точки зрения основное предположение исследования ошибочно. Если бы курильщики бросили курить, они бы просто купили другие товары на деньги, которые они потратили бы на табачные изделия. Эти другие вещи также будут облагаться налогом, хотя, вероятно, они не будут иметь таких же вредных последствий. Некоторые утверждали, что вместо того, чтобы экономить 150 миллионов долларов в год во время проведения исследования, курение истощило около 373 миллионов долларов из годового бюджета Чешской Республики.¹¹ С этической точки зрения, как мы объясним, исследование идет вразрез с нашими ценностями, особенно достоинством. Дайана Файнштейн, сенатор США, отметила, как «Philip Morris далеко перешагнула границы приличия и еще раз продемонстрировала, что ведет бизнес таким образом, который полностью не связан с каким-либо пониманием того, что правильно и что неправильно».¹² Это хрестоматийный пример «заблуждения Макнамары», согласно которому данное решение оправдывается исключительно некоторыми количественными наблюдениями, игнорируя при этом все другие относящиеся к делу факторы. Министр обороны США Роберт Макнамара уже совершил такую ошибку, когда измерял успех во Вьетнамской войне по количеству убитых врагов, игнорируя при этом некоторые другие факторы, не менее важные для победы в войне.

Если достоинство имеет для нас значение, это исследование показывает, чего нам не следует делать. Но подобные случаи легко найти, скажем, в строительной отрасли или в сфере регулирования зонирования. Например, хотя некоторые материалы в домах могут быть вредными для людей, даже смертельными, они используются, потому что они дешевле или проще в установке, чем другие материалы. Наши общества часто молчаливо принимают такие случаи, поскольку дешевле позволить некоторым людям умереть. Однако доведенный до крайности аргумент становится смехотворным. Кто-то может возразить, что мы не должны инвестировать в исследования для лечения некоторых болезней, которые непропорционально убивают людей в конце их продуктивного возраста. Такой метод рентабельности, очевидно, упускает из виду довольно много вещей – например, общество может учитывать виды затрат, которые оно готово нести, и далеко не очевидно, что мы должны предпочесть затраты на здравоохранение затратам, связанным с продолжительностью жизни людей и более здоровым образом жизни – например, выплаты по социальному обеспечению.

¹¹Hana Ross. “Critique of the Philip Morris Study of the Cost of Smoking in the Czech Republic”. *Nicotine & Tobacco Research*. Vol. 6. No. 1, 2004. Pp. 181-9. Clive Bates, “Study Shows That Smoking Costs 13 Times More Than It Saves”. *British Medical Journal*. Volume 323. No. 7319, 2001. P. 1003.

¹²Dianne Feinstein. “Letter to Geoffrey Bible, Chief Executive Officer of Philip Morris Companies, Inc.”. *Truth Tobacco Industry Documents*, University of California San Francisco, 17 July 2001.

Но эти случаи должны напоминать нам об одном: мы действительно платим за жизни людей. Несмотря на то, что достоинство может быть основной чертой наших современных либеральных демократий, факт остается фактом: мы можем заплатить цену за жизни людей. Это можно наблюдать во всех сферах жизни общества. В вышеупомянутом исследовании о курильщиках разным людям приписываются разные ценности в зависимости от того, чем они занимаются. Несмотря на то, что это может быть неприятным занятием, это обычная практика. Достаточно беглого взгляда на литературу, чтобы увидеть, в чем отличие ценности статистической жизни (Value of a Statistical Life, VLS¹³), когда мы используем разные критерии – например, курение, расу и пол. Поэтому дело не в том, что человеческая жизнь «не допускает эквивалента».

Таблица 2. Ценность статистической жизни в различных исследованиях

Год публикации исследования и статья	Ценность статистической жизни в 2012 году (в долларах США)
1997 – C.R. Scotton and L.O. Taylor (2011), “Valuing Risk Reductions: Incorporating Risk Heterogeneity into a Revealed Preference Framework”, <i>Resource and Energy Economics</i> , Vol. 33, No. 2, pp. 381-397.	\$8.04M
2002 – J.D. Leeth and J. Ruser (2003), “Compensating Wage Differentials for Fatal and Nonfatal Injury Risks by Gender and Race”, <i>Journal of Risk and Uncertainty</i> , Vol. 27, No. 3, pp. 257-277.	\$8.90M
1998 – M.F. Evans and G. Schaur (2010), “A Quantile Estimation Approach to Identify Income and Age Variation in the Value of a Statistical Life”, <i>Journal of Environmental Economics and Management</i> , Vol. 59, No. 3, pp. 260-270.	\$9.85M
2000 – W.K. Viscusi and J. Hersch (2008), “The Mortality Cost to Smokers”, <i>Journal of Health Economics</i> , Vol. 27, No. 4, pp. 943-958.	\$9.86M

¹³Ценность статистической жизни (Value of a Statistical Life)— это не цена, которую заплатил бы конкретный человек, чтобы избежать смерти, и не фактическая ценность человеческой жизни, а скорее оценка готовности платить за небольшое снижение рисков смертности.

1997 – W.K. Viscusi (2003), “Racial Differences in Labor Market Values of a Statistical Life”, *Journal of Risk and Uncertainty*, Vol. 27, No. 3, pp. 239-256.

\$21.65M

1997 – T.J. Kniesner, W.K. Viscusi, and J.P. Ziliak (2006), “Life-Cycle Consumption and the Age-Adjusted Value of Life”, *Contributions to Economic Analysis and Policy*, Vol. 5, No. 1, pp. 1-34.

\$36.17M

Можно считать эту тенденцию глубоко тревожной, но не стоит этого делать. Правительства, суды и предприятия регулярно назначают цену за жизни людей и при этом рассматривают их как средство. Сегодня оценка жизни является важной частью процесса принятия решений в обществе, поскольку утилитарные соображения занимают большое место в общественной сфере. Можно отметить еще один момент: люди сами придают разные ценности своей жизни, по крайней мере неявно, если не явно. Об этом свидетельствует их готовность платить за снижение риска смертности. Мы можем вспомнить, что с кантианской теорией достоинства связаны обязанности как по отношению к другим, так и по отношению к самому себе. Само по себе курение можно рассматривать как невыполнение долга перед самим собой, поскольку нужно знать, что такая деятельность может нанести вред самому себе. То же самое и с людьми, работающими на работе с вероятностью длительного физического вырождения. Эти примеры можно понять как противоречащие человеческому достоинству, поскольку в них не соблюдается должным образом присущая людям ценность, и они могут нанести вред их долгосрочным способностям принимать решения. Мы можем подумать, что если мы привержены защите достоинства, то может быть важно урегулировать законодательством сферы, где достоинство утрачено. Это постоянный аргумент нашей современности, хотя, как показывают следующие разделы, это нестандартный подход.

3. Четыре теории достоинства: о ценности, чести, свободе воли и благосостоянии

Приведенные нами примеры того, что кажется скоординированным посягательством на достоинство в наших рыночных обществах, можно было бы дополнить многими другими. Мы не должны недооценивать степень, в которой, например, рынок труда сегодня посягает на человеческое достоинство. Тем не менее, как утверждается в этом параграфе, мы должны противостоять современному призыву законодательно урегулировать все, что связано с достоинством. Фактически, мы не должны принимать законы для защиты достоинства людей. Никогда. Такое предложение может показаться несколько радикальным, особенно если вспомнить, что достоинство является неотъемлемой частью нашей современности, скажем, по смыслу Всеобщей декларации прав человека. Но наше предложение становится гораздо менее радикальным, если мы подумаем, как провести различие между четырьмя концепциями достоинства. Проблема, как мы утверждаем, в том, что эти концепции были перепутаны друг с другом. Легко подумать, что стремление к одному

понятию достоинства означает стремление к другому, хотя это не так. Например, реализация теории достоинства, основанной на благополучии, часто идет вразрез с пониманием достоинства как свободы воли. Теперь давайте проведем различие между четырьмя теориями – автором трех является Кант, и еще одной – Гевирт.

1. Теория достоинства, согласно которой ценность выше цены – то есть, согласно Канту, существует неотъемлемая, не подлежащая обсуждению, немыслимая ценность, присущая каждому человеку в силу его или ее морального свойства.¹⁴

2. Теория чести и достоинства – то есть, по Канту, человек чести будет ставить свои независимость и самоуважение превыше любой цены, так что ими нельзя торговать ради каких-либо материальных интересов.¹⁵

3. Теория достоинства, обусловленная свободой воли – то есть, по утверждению Канта, на основании их способности к свободной воле люди обладают достоинством, и поэтому их следует рассматривать как цель, а не как средство. Такое понимание достоинства означает, что следует одобрять сильные отрицательные обязанности – скажем, «не убивай» – но не положительные обязанности, например, благосостояние.¹⁶

4. Теория достоинства, обусловленная благосостоянием – то есть, достоинство, как говорит Гевирт, – это «своего рода внутренняя ценность, которая в равной степени принадлежит всем людям как таковым, и состоит из определенных внутренне ценных аспектов человеческого бытия».¹⁷ Из этого достоинства, в свою очередь, мы можем вывести не только права негативной свободы, но и обязанности благополучия по отношению к другим, которые все люди и государство должны в равной степени признавать и поддерживать.¹⁸

Все три первые теории можно найти в работах Канта, и поэтому их не следует понимать как обязательно враждебные друг другу. И все же третье определение, по нашему мнению, лучше отражает идею достоинства. В конце концов, другие теории не совсем подходят для понимания взаимосвязи между правом и достоинством. Первая теория, в особенности, противоречит самому акту законотворчества. У человеческой жизни должна быть некая ценность, без которой мы просто не могли бы принимать законы. Например, при регулировании зонирования мы всегда должны учитывать возможность внешних эффектов, некоторые из которых могут быть смертельными, например, для промышленного оборудования. Как было установлено в деле *Powell v. Fall*, «справедливо и разумно, что если человек использует опасную машину, он должен будет заплатить за причиненный ею ущерб; если вознаграждение, которое он получает за использование машины, не окупит

¹⁴Jeremy Waldron. *Dignity, Ranks, and Rights*. Oxford, Oxford University Press, 2012, p. 24, and Ronald Dworkin, *Is Democracy Possible Here?* Princeton, Princeton University Press, 2006. P. 9.

¹⁵Elizabeth Anderson. “Emotions in Kant’s Later Moral Philosophy: Honor and the Phenomenology of Moral Value”, in Monika Betzler (ed.). *Kant’s Ethics of Virtue*. New York, de Gruyter, 2008. Pp. 123-46.

¹⁶Mark D. White. “Dignity”, in Jan Peil and Irene van Staveren (eds.). *Handbook of Economics and Ethics*. Edward Elgar Publishing, 2009. Pp. 84f.

¹⁷Alan Gewirth. “Human Dignity as the Basis of Rights”, in Michael J. Meyer and W.A. Parent (eds), *The Constitution of Rights: Human Dignity and American Values*, Ithaca, Cornell University Press, p. 12.

¹⁸Mark A. Lutz. “Human Dignity”, in Phillip Anthony O’Hara (ed.). *Encyclopedia of Political Economy*. Routledge, 1999. Pp. 471f.

ущерб, это вредно для общества и должно быть пресечено».¹⁹ Иными словами, мы можем захотеть максимально ограничить количество несчастных случаев. Возможно, законодателю придется обратить особое внимание на неэффективные аварии. Как объясняет Дэвид Фридман, предотвращение таких несчастных случаев обходится дешевле, чем стоит их предотвращение.²⁰ Чтобы принять такое решение, мы должны суметь установить ценность для жизни людей. То же самое касается бюджетных соображений – например, стоит ли больнице покупать новое и дорогое устройство, способное спасти очень ограниченное количество жизней. Ценность, выходящая за рамки ценовой теории достоинства, не позволяет нам этого сделать, и, соответственно, это скорее философская теория, чем то, что законодатели или юристы могут использовать в своей повседневной практике.

Во-вторых, какой бы привлекательной ни была универсализирующая теория чести, она не в состоянии охватить реальную жизнь многих людей, особенно тех, кто находится в более неблагоприятном положении. Рынок труда часто требует от сотрудников отказаться от чувства собственного достоинства в обмен на вознаграждение. Например, им могут запретить мочиться, или прикажут мочиться, или попросят одеться каким-то необычным образом. То, что люди соглашаются на такие соглашения, не обязательно следует понимать как недостойное поведение, поскольку это может иметь важное значение для прокормления их семьи. Просить о таких вещах не всегда недостойно работодателя, хотя часто бывает именно так. Соответственно, эта теория неудовлетворительна хотя бы потому, что ее нельзя использовать в современном рыночном обществе. Честь – это нравственный идеал, и он гораздо менее уместен как основополагающий принцип права. Он также не в состоянии охватить проблемы, связанные с стремлением к пониманию хорошей жизни, особенно для обездоленных людей, которые могут ставить средства к существованию выше своей собственной чести.

В-третьих, что более интересно для нашей цели, теория Канта о достоинстве как свободе воли тесно связана с версией его категорического императива, которая гласит: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству».²¹ Свобода воли, то есть способность к самоопределению или автономии, подразумевает, что люди имеют право действовать без вмешательства, и, следовательно, такая теория согласуется с классическим либерализмом в защите более скромной, если не минимальной, согласно некоторым интерпретациям, функции государства. Конечно, разные прочтения Канта могут привести к разным теориям, например, придавая большее значение государству, что и сделал Гевирт. Но традиционное толкование Канта таково, что из достоинства проистекают отрицательные обязанности, а не положительные.

Ключевую предпосылку, свободную волю, следует рассматривать в связи с «позитивной» концепцией свободы, которую защищал Кант – и которую не следует путать с идеей, выдвинутой Исайей Берлиным. Этой концепцией свободы Кант напоминает нам, что люди должны жить по своим собственным правилам. «Чем же

¹⁹*Powell v. Fall*, 5 Q.B. 597 (1880).

²⁰David Friedman. *Law's Order*. Princeton, Princeton University Press, 2000. Pp. 197f.

²¹Immanuel Kant. *Grounding for the Metaphysic of Morals*, 1785, translated by James W. Elligton. Indianapolis, Hackett Publishing Company, 1993. P. 36.

другим, – писал Кант, – может быть свобода воли, как не автономией, т. е. свойством воли быть самой для себя законом?»²² Кант, таким образом, понимал, что воля «в каждом действии является себе законом», что подразумевало вышеупомянутый категорический императив. Из этой предпосылки Кант выводил права человека, а также межличностные и личные обязанности. Однако как только мы сделаем этот вывод, легко забыть основную интуитивную основу достоинства, а именно, что рациональные люди должны быть сами себе законодателями. Их рациональность должна побуждать их подчиняться моральным законам, по крайней мере, так утверждает Кант. Но в рамках такого понимания морали люди сами должны следовать своим внутренним предпочтениям и ценностям. «В основе своей, – сказал Тимоти Рот о кантианском предприятии, – люди должны быть свободны в достижении своих целей, какими бы они ни были, при условии соблюдения ограничений, налагаемых уважением прав и справедливыми или беспристрастными институтами».²³ Следовательно, предоставление людям возможности преследовать свои собственные цели и ценности является требованием человеческого достоинства – или, по крайней мере, так было до появления теории благополучия. Мы вернемся к этой идее свободы воли в следующем параграфе, чтобы рассмотреть ее последствия.

В-четвертых, как уже отмечалось ранее, теория Гевирта может быть кантианской по вдохновению, но не по исполнению.²⁴ Эта теория также берет за отправную точку человеческую волю, так как права проистекают из достоинства, потому что люди обладают способностью к самоопределению. Но, как правило, он больше ориентирован на позитивные обязательства, которые как отдельные лица, так и государство несут по отношению к благополучию всех остальных. Именно такая теория сейчас оживляет большинство дискуссий о достоинстве и правах человека. Например, статья 23(1) Всеобщей декларации прав человека, а также статья 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах признают «право на труд», которое включает, среди прочего, право людей выбирать, хотят ли они работать, где они хотят работать, и вступать ли им в профессиональный союз. Статья 24, кроме того, предполагает «право на отдых и досуг» на основании человеческого достоинства. Среди таких ученых, как, например, Марк Лутц или Дэвид Эллерман,²⁵ такая теория также используется, чтобы поставить под сомнение мораль нынешней системы труда, поскольку труд якобы используется как средство для капитала. Она также используется для критики экономики благосостояния и рациональной экономической личности, которые в теории характеризуются инструментальностью.

Политики обычно следовали этой четвертой теории достоинства, чтобы сформировать или изменить наше современное общество. Сейчас мы часто

²²Ibid. P. 49.

²³Timothy Roth. *The Ethics and the Economics of the Minimalist Government*. Cheltenham, Edward Elgar, 2002. P. 74.

²⁴Mark D. White. “Dignity”, in Jan Peil and Irene van Staveren (eds.). *Handbook of Economics and Ethics*. Edward Elgar Publishing, 2009. P. 85.

²⁵Mark Lutz. “Centering Social Economics on Human Dignity”. *Review of Social Economy*. Vol. 53, 1995. Pp. 171-94. David Ellerman. *The Democratic Worker-Owned Firm*. Boston, Unwin Hyman, 1990. См. противоположное мнение в издании: Mark White, “Social Law and Economics and the Quest for Dignity and Rights”, in John Davis and Wilfred Dolfma (eds.). *The Elgar Companion to Social Economics*. Cheltenham, Edward Elgar, 2008. Pp. 575-94.

предполагаем, что защита человеческого достоинства связана с положительными обязанностями не только со стороны государства, но и со стороны отдельных лиц. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, например, предполагает, что люди несут коллективную позитивную обязанность помогать другим членам своего общества в обеспечении возможностей трудоустройства. Мы действительно очень далеки от кантовской теории свободы воли. Сейчас считается, что для должного уважения к другим мы должны помогать им. Но равенство уважения и помощи опасно с юридической точки зрения. Хотя мы можем согласиться с тем, что уважение является моральным требованием, гораздо менее ясно, что мы должны в равной степени предлагать помощь другим. Фактически, хотя законы и конституции стремятся признать ценность достоинства, они гораздо менее склонны признавать обязанность помогать. Палата лордов, например, постановила, что «когда человек ничего не сделал для того, чтобы вступить в какие-либо отношения с другим человеком, находящимся в бедственном положении, или с его собственностью, простая случайная близость не требует от него помощи этому человеку. Это может быть моральным долгом, но делать это юридической обязанностью непрактично».²⁶ Таким образом, изменение значения достоинства может быть способом уклонения от некоторых позитивных обязанностей в праве, которые в противном случае были бы отвергнуты. Никто не может выступать против ценности достоинства, и поэтому, если кто-то сможет успешно доказать, что достоинство подразумевает позитивные обязанности по оказанию помощи, то никто больше не сможет возражать против таких обязанностей. Проблема, как мы утверждаем, в том, что, поступая таким образом, мы искажаем значение достоинства, а также способствуем упадку концепции свободы воли в праве.

4. Поскольку достоинство предполагает автономию, оно не может быть принципом права

Теперь, когда мы установили различие между четырьмя представлениями о достоинстве, мы должны объяснить, насколько радикальна кантовская теория свободы воли, и как она может привести нас к антиномической философии права. Мы будем утверждать, что рациональные люди должны быть сами себе законодателями, и не только в метафорическом смысле. По соображениям достоинства также следует ограничить сферу законотворческой деятельности. Следовательно, в этом параграфе мы выразим несогласие с Джереми Уолдроном, который сделал достоинство «принципом права».²⁷ Поскольку достоинство предполагает автономию, оно не может быть принципом права. Это принцип для ограничения права. Фактически, определение достоинства, данное Кантом в «Основах метафизики нравственности», следует толковать в связи с провокационным отрывком «О рабстве» из «Метафизики нравственности». В этом разделе Кант приводит следующие примеры нашего «долга в отношении достоинства человечества внутри нас»: «Не будь ничьим лакеем. – Не позволяйте другим безнаказанно нарушать ваши права. – Контракт без долга, по которому вы не можете дать полную гарантию. [...] – Стоять на коленях или падать ниц на землю даже для того, чтобы показать свое почитание небесных объектов, противоречит достоинству человечества, так как призывы к ним – в реальных

²⁶*Home Office v. Dorset Yacht Co.*, [1970] AC 1004, [1970] UKHL 2.

²⁷Jeremy Waldron. *Dignity, Ranks, and Rights*. Oxford, Oxford University Press, 2012. Pp. 13ff.

образах; потому что тогда вы смиряете себя не перед идеалом, представленным вам вашим собственным разумом, но перед идолом, созданным вами».²⁸

Первая строка особенно интересна. Это показывает, что автономия, лежащая в основе человеческого достоинства, обеспечивает людям права. Поскольку люди автономны, их позиция по отношению к любой правовой системе должна основываться на их неотъемлемых правах. Они не должны быть чьими-то лакеями, они не должны преклоняться или преклонять колени перед другими. Право законодателя издавать законы часто несовместимо с самоопределением людей. Здесь мы опираемся на теорию Канта, а не просто повторяем ее. Но интуиция, тем не менее, остается кантианской: «Поклоны [...] перед человеком в любом случае кажутся недостойными человека».²⁹ Следовательно, серьезное отношение к идее достоинства в праве указывало бы на определенную эмансипацию индивидуальной способности к суждению. На фоне «склонности к раболепству», которую мы можем найти у людей, как отмечал Кант, концепция достоинства должна привести нас к определенной антиномической или либертарианской философии права.

Антиномизм – от греческих слов *αντι* и *νομος*, означающих «против закона» – является формой индивидуалистического анархизма, который ставит людей выше закона. Вначале он был теологической доктриной, получившей свое уничижительное название из-за ее неприятия требования о повиновении Закону Моисея. В философии права, однако, он теперь означает теорию, согласно которой не нужно подчиняться никакому набору правил, с которыми человек не согласен. Такой взгляд обычно противопоставляется «законничеству», которое чрезмерно подчеркивает требование соблюдения буквы закона.

В христианском богословии законничество и антиномизм соответственно означали обвинение в чрезмерном соблюдении Моисеева Закона или обвинение в беззаконии. Две известные антиномистические полемики определили последнюю точку зрения – одна в Виттенберге в 1538 году, которая противопоставляла Мартина Лютера Георгию Агриколе, а вторая, ровно столетие спустя, в Колонии Массачусетского залива, что привело к изгнанию Анны Хатчинсон из Бостона. Оба эти случая были спровоцированы христианами, которые считали, что моральные законы не являются обязательными с неизбежностью. Например, по мнению Агриколы, спасение должно достигаться через веру, а не соблюдение закона. Как сказал апостол Павел: «А все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою»,³⁰ и «Закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление».³¹ Лютер осудил антиномистское прочтение Священного Писания, хотя его собственные учения также поддерживали идеал самоуправления, который отстаивали антиномисты. «Таким образом, вы – ваша собственная Библия, ваш собственный учитель, ваш собственный богослов и ваш собственный проповедник», – писал Лютер. «Просто руководствуйтесь этим, и вы будете мудрее и образованнее, чем все умения и все

²⁸Immanuel Kant. *The Metaphysic of Morals*, 1797, translated by Mary J. Gregor, in *Practical Philosophy*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. Pp. 558f.

²⁹Ibid. P. 559.

³⁰Послание к Галатам 3:10.

³¹Послание к Римлянам 5:20. См. также: Jeremy Waldron, “Dead to the Law: Paul’s Antinomianism”. *Cardozo Law Review*. Vol. 28. No. 1, 2006. Pp. 301-332.

книги юристов».³² Протестантское учение об оправдании только верой, *sola fide*, также обвинялось в антиномизме за его враждебность к Закону и игнорирование произвольных моральных правил.

Помимо таких теологических противоречий, антиномизм теперь также является светской теорией, популяризированной, например, Джорджем Оруэллом или Эриком Хобсбаумом,³³ для которых двадцатый век был олицетворением «антиномистского восстания». На вопрос «должны ли мы подчиняться закону?» антиномизм твердо отвечает «нет». Никогда не следует подчиняться ничему, кроме своей совести. Антиномисты верят в оправданность любого соответствия закону, притом что любое соблюдение должно быть мотивировано индивидуальным обдумыванием, а не властью закона. Хотя они часто соблюдают закон, антиномисты думают, что они принципиально свободны от него. Никто не может подчиняться никакому закону. Это вопрос личной совести. Следовательно, антиномизм бросает вызов латинскому изречению «*omnes legum servi sumus ut liberi esse possimus*», то есть «мы все слуги закона, чтобы быть свободными». Согласно антиномизму, свобода предшествует закону и заменяет его, и по этой причине она никогда не может определяться законной праведностью.

Кантовская теория достоинства как автономии перекликается с этой философией права. «Но тот, кто делает из себя червя», – сказал Кант, – «не может потом жаловаться, если на него наступят люди».³⁴ Суть и теории Канта, и антиномизма в том, что нельзя делать из себя «червя» или простого слугу. Человек должен оставаться законодателем самому себе и соблюдать законы других только в той степени, в которой он может оправдать эти законы перед собой. В этом случае достоинство – это вопрос самоопределения. Чтобы должным образом уважать себя, нужно следовать своей совести, а не слепо следовать чужим заповедям. В некотором смысле эта теория достоинства также является призывом к вере в ответственность людей за управление своей жизнью.

«Чем меньше государство вмешивается в промышленность, – заявил Верховный суд штата Мэн в 1871 году, – чем меньше оно направляет и выбирает каналы предпринимательства, тем лучше. Нет более безопасного правила, чем предоставить отдельным лицам управление своими делами».³⁵

Можно добавить, что люди знают лучше, как добиваться своих целей. Хотя это может быть не всегда так, поскольку некоторые люди курят до тех пор, пока не покончат с собой, в целом это хороший принцип для соблюдения права – как в целях самоопределения, так и в целях повышения эффективности. Возложить на людей ответственность за их действия – это способ уважать их достоинство. Томас Хилл-младший действительно утверждал, что для поддержания кантовского достоинства люди должны уметь развивать свою способность действовать разумно и на основе благоразумия или эффективности, способность развивать свои собственные цели, принимать категорические императивы, а также понимать мир.³⁶ В таком случае

³²Martin Luther. *Works*, Vol. 21. St. Louis, Concordia Publishing, 1958. Pp. 236f.

³³Eric Hobsbawm. *Age of Extremes: The Short Twentieth Century*. London, Abacus, 1995. P. 16.

³⁴Immanuel Kant. *The Metaphysic of Morals*, 1797, translated by Mary J. Gregor, in *Practical Philosophy*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. P. 559.

³⁵*Opinion of the Justices*, 59 Me. 598 (1871).

³⁶Thomas Hill Jr. *Dignity and Practical Reason in Kant's Moral Theory*. Ithaca, Cornell University Press, 1992. 255 pp.

достоинство становится этикой личной ответственности. Антиномизм развивает такие способности до такой степени, что требует от каждого быть законодателем для самого себя. Следовательно, антиномисты будут подчиняться закону только в той мере, в какой это приемлемо для их суверенной совести. В этом случае закон не соблюдается, а вопрос о повиновении переформулируется с точки зрения согласия.

Преимущество состоит в том, что тогда люди несут ответственность за свою собственную историю жизни. Это второй принцип достоинства, который Рональд Дворкин обсуждал в своей книге «Возможна ли демократия здесь?» (*Is Democracy Possible Here?*), а первый заключался в том, что мы назвали ценностью за пределами ценовой теории достоинства. «Принцип личной ответственности», – сказал Дворкин, – «гласит, что каждый человек несет особую ответственность за достижение успеха в своей жизни, ответственность, которая охватывает его суждение о том, какая жизнь будет для него успешной. Он не должен соглашаться с тем, что кто-то другой имеет право диктовать ему эти личные ценности или навязывать их ему без его одобрения».³⁷ Иными словами, люди несут «суверенную ответственность» за их собственную историю жизни, которую нельзя отнять у них, и которую нельзя никому передать. Следовательно, подчиненная жизнь недостойна.

Однако ничто из сказанного не означает, что мы должны отвергать любую законодательную деятельность, исходящую от государства, или что мы должны оставаться безразличными к тяжелому положению других. Существуют и другие важные ценности, на которых построено наше общество, и поэтому нам придется сбалансировать наши обязательства по обеспечению достоинства, например, с ценностями свободы, равенства и эффективности. Эти ценности, например, скорее всего, заставят нас поддерживать какую-то форму либерализма из-за свободы, определенного рыночного институционального дизайна из-за эффективности и определенного государства всеобщего благосостояния из-за равенства. Однако мы утверждаем, что само достоинство указывает на ограничение применения публичного права. Как мы отмечали ранее, это противоположно тому, что мы наблюдали в последние десятилетия. Постоянно растущее распространение публичного права представляет собой проблему, поскольку оно противоречит кантианской позитивной свободе: люди должны действовать в соответствии с законами, которые они создали сами. Денис Арнольд и Норман Боуи отметили, что действовать автономно, руководствуясь собственной совестью – значит демонстрировать нашу способность действовать достойно.³⁸ Таким образом, действовать с достоинством – также значит нести ответственность за собственные неудачи.

Если курить, это может привести к преждевременной смерти. Признание таких неудач так же важно, как и способность определять, как человек хочет добиться успеха в жизни. Как сказал Дворкин, американцы часто «гордятся тем, что маршируют в такт своему барабану, не следуют ни за кем другим, делают все по-своему».³⁹ Многие потерпят неудачу, то есть не проживут свою жизнь наиболее полноценно. Наша приверженность равенству должна подтолкнуть нас к созданию социальных институтов с минимальным стандартом, ниже которого

³⁷Ronald Dworkin. *Is Democracy Possible Here?* Princeton, Princeton University Press, 2006. P. 10.

³⁸Denis G. Arnold and Norman E. Bowie. “Sweatshops and Respect for Persons”. *Business Ethics Quarterly*. Vol. 13. No. 2, 2003. P. 223.

³⁹Ronald Dworkin. *Is Democracy Possible Here?* Princeton, Princeton University Press, 2006. P. 18.

нельзя опускаться. Однако достоинство предполагает, что люди могут потерпеть поражение. Не подчиняться другим – значит властвовать над своими успехами в такой же степени, как и над своими неудачами.

Теперь мы можем понять, почему концепция достоинства не может быть принципом права, вопреки тому, что утверждал Уолдрон. Этика достоинства, а именно этика людей, реализующих свою способность к самоопределению, их свободу воли, если хотите, является этикой ответственности. Люди сами ответственны за свой жизненный выбор. Они несут ответственность за составляемые контракты или за взятые ссуды. Католики могут признавать за Папой определенную власть над своими религиозными убеждениями, а граждане могут признавать определенные полномочия государства принимать законы по некоторым вопросам. Однако полномочия, предоставляемые в этих случаях, будут только эпистемическими, как отметил Дворкин,⁴⁰ или, возможно, пруденциальными. Люди остаются сами себе хозяевами, и поэтому они не дают никому права принуждать себя. Такое понимание достоинства не может быть принципом права. Если мы будем следовать ему, мы скорее должны ограничить сферу применения публичного права, чтобы предоставить людям больше возможностей для реализации своей автономии, скажем, через частное право. Конечно, люди не могут все решать самостоятельно, и поэтому нам все равно нужны какие-то законы, хотя бы минимальная правовая база. Например, человек не может в одностороннем порядке решать, что является его собственностью и может ли он убивать людей. Из-за других важных для нашего общества ценностей такой выбор выходит за рамки личной ответственности. Антиномизм – это не анархизм. Тем не менее важно понимать, как следует использовать понятие достоинства и в каком направлении оно должно развиваться в наших учреждениях. Поскольку право требует соблюдения, достоинство не может быть принципом права, поскольку оно требует от людей быть самим себе суверенными законодателями и писать свою собственную историю.

5. Либеральное общество должно строиться на теории достоинства, обусловленной свободой воли

Довольно часто задается бюджетный вопрос о том, сколько денег мы готовы потратить, чтобы спасти определенную группу людей, например, курильщиков, диабетиков или людей, нуждающихся в диализе. Легко подумать, что в этом заключается проблема автономии наших обществ. Джон Стюарт Милль, например, напомнил нам, что «в соответствии с правильной классификацией, население страны не должно считаться ее богатством. Это то, ради чего существует богатство. Термин «богатство» используется для обозначения желаемых объектов, которыми они обладают, не включая, а исключая их собственные личности».⁴¹ Иными словами, согласно Миллю, было бы категориальной ошибкой приписывать ценность жизни, потому что ценность может измерять только то, чем обладают люди. Тогда можно было бы утверждать, наряду с Гевиртом, что люди обязаны поддерживать других, у которых нет такого богатства. При условии, что право серьезно относится к такому идеалу достоинства, мы должны были бы придать надлежащую юридическую форму одним обязательствам по обеспечению благополучия по отношению к другим. Наоборот, мы отстаивали принципиально иное понимание достоинства.

⁴⁰Ibid. P. 19.

⁴¹John Stuart Mill. *Principles of Political Economy*. London, Longmans, Green and Co., 1936. P. 8.

Зачастую лучший способ реализовать собственное достоинство как свободу воли заключается в том, чтобы не издавать законы и позволить людям быть хозяевами самим себе. «*Cessante ratione legis cessat ipsa lex*» – то есть «с исчезновением основания для существования закона должен перестать существовать и сам закон». Антиномизм – это индивидуалистическое понимание этой римской максимы, по смыслу которой единственные веские основания для принятия закона – те, которые люди предлагают сами. Однако, в отличие от большинства анархистов, антиномисты не могут выступать за отмену государства. Поскольку правила нравятся большинству людей, они, как правило, будут соблюдаться. Мы утверждали, что кантианское понимание такой философии бросает вызов распространенному мнению о достоинстве. Достоинство – это философское понятие. Оно начинается с идеи о свободе воли, из которой впоследствии вытекает этика ответственности.

С другой стороны, современное применение достоинства, которое, как мы видим, обычно охраняется Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, подчеркивает позитивные обязанности, например, «помогать людям обрести свободу и благополучие, когда они не могут достичь этого своими собственными усилиями». ⁴² Являются ли такие обязанности стоящими целями для нашего общества – вопрос открытый. Однако нам не следует пытаться «скрытно» исполнять некоторые обязанности, искусственно связывая их с понятием достоинства. Можно подумать, что такая схема достойна похвалы, но, вероятно, это ошибка. В конце концов, это ослабляет как понятие достоинства, которое затем оправдывает слишком много обязанностей, чтобы к ним серьезно относиться, так и сами обязанности, которые теперь имеют загадочную оправдательную историю, связывающую их с достоинством. Человек не способствует достоинству других людей, не позволяя им работать на тяжелой, но справедливой работе. Напротив, это лишает их способности определять собственное понимание хорошей жизни и добиваться ее. Многие так называемые проблемы достоинства правильнее понимать как проблемы, скажем, равенства или справедливости. Возможно, это признак нашего времени, что ценность достоинства теперь используется для их оправдания. Эта концепция действительно может быть более модной. Тем не менее нам следует быть осторожными, особенно сейчас, когда концепция достоинства закреплена во многих конституциях и глобальных декларациях. Конечно, мы не хотим жить в мире, полном унижений. Но мы не должны брать на себя создание новых воображаемых унижений.

Это правда, что некоторые люди могут сделать неправильный выбор – например, курить. Мы знаем, что курение может привести к преждевременной смерти и серьезным проблемам со здоровьем, многие из которых значительно снизят качество жизни и, возможно, даже поставят под угрозу их способность рационально планировать будущее. Однако мы считаем, что, поскольку концепция достоинства ведет нас к этике достоинства, людям важно осознавать свои неудачи. По крайней мере, люди должны иметь возможность потерпеть неудачу – то есть, попытаться продолжить свою хорошую жизнь. Чрезмерное законотворчество во имя достоинства только усложнило бы это стремление для некоторых людей, например, более бедных людей. Что касается проблем дискриминации, равенства или справедливости, они должны быть решены в праве с применением соответствующих стандартов – это

⁴²Alan Gewirth. “Human Rights and the Workplace”. *Am. J. of Industrial Medicine*. Vol. 9, 1986. P. 33.

не достоинство, а скорее дискриминация, равенство или справедливость. То, как мы приходим к какому-либо заключению, имеет значение, и поэтому мы должны быть особенно осторожны, чтобы не строить все наши системы права на единой концепции.

В заключение в нашей статье утверждается, что мы должны вернуться к теории достоинства, обусловленной свободой воли. Используя антиномистическое толкование теории Канта, мы утверждали, что рациональные люди должны быть сами себе законодателями. То есть они должны действовать по законам, которые они сами создали. Соответственно, объем любой законотворческой деятельности должен быть ограничен исходя из соображений достоинства. С другой стороны, мы также утверждали, что в наших законах следует уменьшить роль достоинства. Достоинство не может быть принципом права, оно скорее принцип ответственности.

О.Мелкевик, PhD докторы, Гарвард университеті жанындағы Эдмонд Сафра атындағы Этика орталығының постдокторанты, Монреаль университетінің Этика зерттеу орталығының ғылыми қызметкері (Монреаль қ., Канада); Б. Мелкевик, құқық докторы, Лаваль университетінің құқық факультетінің профессоры (Квебек қ., Канада): Қадір-қасиеттің екі тұжырымдамасы: құқықтағы ерік бостандығының құлдырауы туралы.

Бұл зерттеудің өзектілігі қадір-қасиетті құқықтық түйсінудегі қазіргі кезде біз көріп отырған түбегейлі өзгерістерден көрінеді. Адамды оның бар болғаны үшін құрметтеу керектігі біздің заңдарымыз бен конституцияларымызда бекітілген заманауи қоғамымыздың негізі болып табылады. Алайда, қадір-қасиет идеясын принципиалдық тұрғыдан түрліше түсіндіруге болады. Осыған орай осы зерттеудің *пәнін* қадір-қасиеттің екі теориясы, атап айтқанда, Иммануил Кантпен байланысты «ерік бостандығымен айқындалатын қадір-қасиет теориясы» және жақында Алан Гевирт қорғаған «эл-ауқатпен айқындалатын қадір-қасиет теориясы» құрап отыр. Жұмыстың *мақсаты* жоғарыда аталған қадір-қасиет тұжырымдамаларын зерттеу және соның негізінде соңғының құқықтағы рөлін қайта қарау болып табылады. Зерттеу аясында талдау, синтездеу, сондай-ақ салыстырмалы әдіс сияқты ғылыми таным *әдістері* қолданылды. Зерттеу нәтижелері бойынша біз Канттың қадір-қасиет теориясынан Гевирттің қадір-қасиет теориясына қазіргі заманғы көшу проблемалы деген *қорытындыға* келдік, біріншіден, өйткені ол біздің құқықтық жүйелеріміздегі ерік бостандығының құлдырауының көрінісі болып табылады, ал, екіншіден, себебі эл-ауқатпен айқындалатын қадір-қасиет теориясы көбінесе өзін-өзі жеңіліске душар етеді. Тиісінше, мақалада біз ерік бостандығымен айқындалатын қадір-қасиет теориясына қайта оралуымыз керек деп тұжырымдаймыз. Кант теориясының антиномистік түсіндірмесін қолдана отырып, біз ұтымды адамдар өздеріне өздері заң шығарушылар болуы керек, сондықтан заң шығару қызметінің көлемі қадір-қасиет тұрғысынан шектелуі керек деп ой қорытамыз.

Тірек сөздер: қадір-қасиет; құқық философиясы; Иммануил Кант; Алан Гевирт; ерік бостандығы; ерік автономиясы; антиномизм; адам құқықтары; құқық қағидаты.

Å. Melkevik, PhD, Postdoctoral Fellow at the Edmond Safra Center for Ethics at Harvard University, Research Fellow at the Ethics Research Center of University of Montreal (Montreal, Canada); B. Melkevik, Doctor of Law, Professor of Law at University of Laval (Quebec, Canada): Two concepts of dignity: on the decay of agency in law.

The relevance of this study lies in the radical changes we observe in the modern legal understanding of dignity. That man should be respected by virtue of his existence is the cornerstone of our modern society, enshrined in our laws and constitutions. However, the idea of dignity can be interpreted in fundamentally different ways. In this connection, the subject of this study is two such theories of dignity, namely the “free will theory of dignity” associated with Immanuel Kant, and the “well-being theory of dignity” recently advocated by Alan Gewirth. The aim of the work is to study the above concepts of dignity in order to rethink the role of the latter in law. Within the framework of the study, such methods of scientific knowledge as analysis, synthesis, as well as a comparative method were used. Based on the results of the study, we came to the conclusion that the modern transition from Kant’s theory of dignity to Gewirth’s theory of dignity is problematic, firstly, because it is an expression of the decline of free will in our legal systems, and, secondly, because the theory of dignity conditioned by well-being often dooms itself to defeat. Accordingly, the article argues that we must return to the free will theory of dignity. Using an antinomian interpretation of Kant’s theory, we argue that rational people must be their own legislators, and that, consequently, the scope of legislative activity must be limited by considerations of dignity.

Keywords: dignity; philosophy of law; right; Immanuel Kant; Alan Gewirth; free will; autonomy of will; antinomianism; human rights; principle of law.

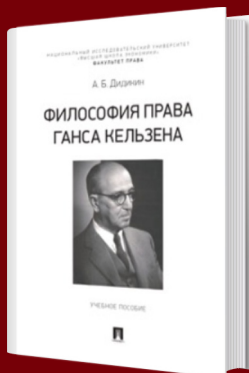
Список литературы:

1. Alan Gewirth. Human Dignity as the Basis of Rights. The Constitution of Rights: Human Dignity and American Values, Ithaca, Cornell University Press.
2. Alan Gewirth. Human Rights and the Workplace. American Journal of Industrial Medicine. Vol. 9, 1986.
3. Arthur D. Little International, Inc. Public Finance Balance of Smoking in the Czech Republic, commissioned by Philip Morris CR a.s., 28 November 2000.
4. Clive Bates. Study Shows That Smoking Costs 13 Times More Than It Saves. British Medical Journal. Volume 323. No. 7319, 2001.
5. David Friedman. Law’s Order. Princeton, Princeton University Press, 2000.
6. Eric Hobsbawm. Age of Extremes: The Short Twentieth Century. London, Abacus, 1995.
7. Hana Ross. Critique of the Philip Morris Study of the Cost of Smoking in the Czech Republic. Nicotine & Tobacco Research, Vol. 6. No. 1, 2004. Pp. 181-189.
8. Hanoch Dagan, Avihay Dorfman. Interpersonal Human Rights and Transnational Law. Cornell International Law Journal. Vol. 51, 2018.
9. Immanuel Kant. The Metaphysic of Morals, 1797, translated by Mary J. Gregor, in Practical Philosophy. Cambridge, Cambridge University Press, 1999.
10. Immanuel Kant. Grounding for the Metaphysic of Morals, 1785, translated by James W. Elligton. Indianapolis, Hackett Publishing Company, 1993.
11. Jeremy Waldron. Dignity, Ranks, and Rights. Oxford, Oxford University Press, 2012.

12. Jeremy Waldron. Dignity, Ranks, and Rights. Oxford, Oxford University Press, 2012. P. 24.
13. John Stuart Mill. Principles of Political Economy. London, Longmans, Green and Co., 1936.
14. Mark D. White. Dignity. Handbook of Economics and Ethics. Edward Elgar Publishing, 2009.
15. Martin Luther. Works. Vol. 21. St. Louis, Concordia Publishing, 1958.
16. Michael Jensen, William Meckling. "The Nature of Man". Journal of Applied Corporate Finance, 1994.
17. Michael Sandel. What Money Can't Buy. New York, Farrar, Straus and Giroux, 2012. Pp. 3-5.
18. Oliver Sensen. Kant on Human Dignity Reconsidered. Kant-Studien. Vol. 106. No. 1, 2015.
19. Ronald Dworkin. Is Democracy Possible Here? Princeton, Princeton University Press, 2006.
20. Thomas Hill Jr. Dignity and Practical Reason in Kant's Moral Theory. Ithaca, Cornell University Press, 1992.
21. Timothy Roth. The Ethics and the Economics of the Minimalist Government. Cheltenham, Edward Elgar, 2002.
22. William Kevin Viscusi. From Cash Crop to Cash Cow: How Tobacco Profits State Governments. Regulation. Vol. 20. No. 3, 1997.
23. Zosia Kmietowicz. Tobacco Company Claims That Smokers Help the Economy. British Medical Journal. Volume 323. No. 7305, 2001.

Для цитирования и библиографии: Мелкевик О., Мелкевик Б. Две концепции достоинства: об упадке свободы воли в праве // Право и государство. 2022. № 1(94). – С. 156-175. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_1_156

Материал поступил в редакцию 11.01.2022.

НОВЫЕ КНИГИ

Дидикин А.Б. Философия права Ганса Кельзена: учебное пособие. М.: Проспект, 2021. – 208 с.

ISBN 978-5-392-35383-5.

DOI 10.31085/9785392353835-2021-208

В учебном пособии представлены анализ и историческая реконструкция этапов формирования и развития нормативизма как философско-правовой теории, ее методологических оснований и тематического содержания. Пособие служит вспомогательным материалом для изучения студентами отдельных тем учебных курсов «Теория государства и права», «История политических и правовых учений», а магистрантами – учебных дисциплин «Философия права», «История и методология юридической науки», «Методология и методы исследований в праве». В приложении публикуются переводы научных статей Г. Кельзена, выполненные А.Б. Дидикиным.